

DOI: 10.25178/nit.2024.1.5

Статья

Тема родины в тувинской и бурятской прозе 1960–1970-х годов**Светлана С. Имixelова***Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Российская Федерация,***Евгений Д. Монгуш***Тувинский государственный университет, Российская Федерация,***Владимир П. Синячкин***Российский университет дружбы народов, Российская Федерация*

В статье осуществлен сравнительно-сопоставительный анализ тувинской и бурятской прозы 1960–1970-х годов, посвященной теме родины, родного края. Выделен образ дома и связанные с ним мотивы памяти, детства, а также образы родной природы как отражение этнокультурных ценностей и как точки соприкосновения двух литератур. Рассмотрены художественные поиски тувинских и бурятских писателей в автобиографической прозе. В решении темы родины обнаружилось как сходство в сближении специфически-бытовой и универсально-бытийной сфер, так и различия, обусловленные выбором жанровых решений и повествовательных приемов.

В тувинских автобиографических произведениях на тему родины проанализировано оригинальное соединение прозы и поэзии, которое ведет к жанровому облику лирического эпоса. В бурятской прозе исследованы повествовательные традиции исторического романа с использованием структуры текста в тексте и автобиографической книги с опорой на публицистический пафос.

Сделан вывод о стремлении тувинских и бурятских писателей поднять тему родины до высоты универсального культурного опыта, что дает возможность подчеркнуть общее и особенное в открытии новых жанровых модификаций, изменений в повествовательной структуре, в облике героя-повествователя, в его взаимоотношениях с автором и читателем.

Ключевые слова: тувинская литература; бурятская литература; тувинцы; буряты; родина; образ родины; автобиографический роман; герой-повествователь; переводная литература

Для цитирования:

Имixelова С. С., Монгуш Е. Д., Синячкин В. П. Тема родины в тувинской и бурятской прозе 1960–1970-х годов // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 74–87. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.5>

Имixelова Светлана Степановна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. Адрес: 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6. Эл. адрес: 223015@mail.ru

Монгуш Евгений Докурович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: mongun2005@yandex.ru

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой и профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Эл. адрес: word@list.ru

The theme of the homeland in Tuvan and Buryat prose of the 1960s–1970s

Svetlana S. Imikhelova

Dorzhi Banzarov's Buryat State University, Russian Federation,

Evgeny D. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation,

Vladimir P. Sinyachkin

RUDN University, Russian Federation

The article conducts a comparative analysis of Tuvan and Buryat prose from the 1960s — 1970s dedicated to the theme of homeland and native land. The depiction of the home and associated motifs of memory, childhood, as well as the images of the native nature are highlighted as reflections of ethnocultural values and points of intersection between the two literary traditions. The artistic explorations of Tuvan and Buryat writers in autobiographical prose are examined, revealing both similarities in the convergence of specific-domestic and universal-being spheres, and differences stemming from genre choices and narrative techniques.

In Tuvan autobiographical works on the theme of homeland, an original fusion of prose and poetry is analyzed, leading to the genre profile of a lyrical epic. Buryat prose explores narrative traditions of the historical novel using the structure of text within text and autobiographical books with a reliance on journalistic pathos.

The conclusion is drawn regarding the endeavor of Tuvan and Buryat writers to elevate the theme of homeland to the level of universal cultural experience. This allows emphasizing the common and distinctive elements in the discovery of new genre modifications, changes in narrative structure, the portrayal of the narrator-hero, and their relationships with the author and reader.

Keywords: *Tuvan literature; Buryat literature; Tuvans; Buryats; homeland; image of homeland; autobiographical novel; narrator-hero; translated literature*

For citation:

Imikhelova S. S., Mongush E. D. and Sinyachkin V. P. The theme of the homeland in Tuvan and Buryat prose of the 1960s–1970s. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 74–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.5>

Imikhelova, Svetlana Stepanovna, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian and Foreign Literature, Dorzhi Banzarov's Buryat State University. Postal address: 6 Ranzhurova St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: 223015@mail.ru

Mongush, Evgeny Dokurovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: mongun2005@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4202-3011

Sinyachkin, Vladimir Pavlovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Head, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: word@list.ru

Введение

Обращение писателей к теме родины, родного края всегда было устойчивой традицией в литературах разных народов, актуальной по своей важности и значимости в разные исторические периоды. Авторами настоящей статьи эта тема рассмотрена на материале тувинской и бурятской прозы 1960–1970-х годов в переводах на русский язык. Данный период выбран неслучайно, так как, во-первых, процесс формирования литератур Тувы и Бурятии к этому моменту значительно укрепился; во-вторых, в эти годы произведения писателей не только выходили на родных языках, но и особенно активно переводились и издавались на русском языке, что позволяет также рассматривать отражение их идей в общей — русской — лингвокультуре.

Единство в трактовке темы родины писателями двух республик объяснялось ведущими тенденциями в советском литературном процессе этих лет. Разумеется, существовали различия, объясняемые историческими закономерностями в развитии обеих литератур. Так, начало тувинской прозы было связано с появлением и развитием в 1950–1970-е годы автобиографических романов и повестей, что привело к интенсивному функционированию лирико-субъективного начала, создающему эффект авторского присутствия в повествовании. В бурятской литературе этих лет произведения большей эпической формы были связаны с темой исторической памяти, с формированием у читателя понимания сложной связи настоящего и прошлого, современного и легендарного. Подчеркнем, что в решении темы родины писателями Тувы и Бурятии в 1960–1970-е годы наблюдалось немало общего в системе этнокультурных ценностей, что сказалось в выдвигании на первый план идей патриотизма.

Цель нашего исследования — анализ темы родины в переводной тувинской и бурятской прозе 1960–1970-х годов. Понятие родины или родного края рассматривается как обозначение особого художественного пространства, вобравшего в себя средоточие таких ценностных смыслов для авторов, как отчий дом, семья, родные люди. Обращение к переводной литературе показалось необходимым в связи с вопросом, как в переводе на русский язык сохраняется этнокультурный колорит и особая атмосфера народной жизни. Для исследования были выбраны романы и повести, репрезентативные для их сопоставления в аспекте соотношения особенного и общего, специфического и универсального.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: провести историко-литературоведческий, сравнительно-сопоставительный анализ прозы тувинских и бурятских писателей 1960–1970-х годов, рассмотреть единство их поисков в художественно-символическом решении образов родного края, определить отличительное, особенное в разработке данной тематики в жанрах автобиографической прозы. Эти аспекты рассмотрены в качестве критериев художественности, в русле которых и возможно было найти точки соприкосновения и отличия в решении темы родины. Данные аспекты художественного поиска обеих литератур еще не привлекали серьезного внимания в тувиноведении и бурятоведении.

Теоретико-методологической основой настоящей статьи явились публикации бурятских и тувинских литературоведов и культурологов А. Б. Соктоева (Соктоев, 1976), В. Ц. Найдакова (Найдаков, 1969), Л. С. Дампиловой (Дампилова, 2016), Д. С. Куулара (Куулар, 2002), А. К. Калзана (Калзан, 2021), З. Б. Самдан (Самдан, 2001), Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет (Тувинцы. Родные ... , 2022; Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021; Сувандии, 2023; Кужугет, 2023), Ш. Б. Майны (Майны, 2023), Ч. Х. Санчай (Санчай, 2023), а также предыдущая работа авторов данной статьи об одном из общих образов (образ-архетип старика) в бурятской и тувинской литературах (Имихелова, Монгуш, 2020).

Материалом для исследования послужили тувинские романы и повести 1960–1970-х годов в переводах на русский язык: С. Тока «Слово арата» (1957; 1967, в авторизованном переводе А. Тэмира, С. Пюрбю, А. Китайника), С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» (1966, в переводе М. Ганиной), О. Саган-оола «Родные люди» (1970; 1976, в переводе Р. Тотрова), А. Даржай «Сон при звездах» (1979, в переводе У. Эртине), М. Кенин-Лопсана «Настигающий птицу» (1965, в переводе С. Козловой), «Танец козерога» (1976, в переводе С. Козловой)¹. Они рассмотрены в сравнительно-сопоставительном

¹ Тока С. Слово арата: роман-трилогия / авториз. пер. с тув. А. Тэмир, С. Пюрбю, А. Китайник. М.: Современник, 1982; Сарыг-оол С. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. М.: Современник, 1974; Саган-оол О. Родные люди: повесть / пер. с тув. Р. Тотрова. М.: Современник, 1976; Даржай А. А. Сон при звездах / пер. У. Эртине // Даржай А. А. Избранное. Поэзия и проза / на рус. яз. Кызыл: Тываполиграф, 2016. С. 208–250; Кенин-Лопсан М. Настигающий птицу: Лиро-эпический роман / пер. с тув. С. Козловой. М.: Советская Россия. 1987; Кенин-Лопсан М. Танец козерога: роман / пер. с тув. С. Козловой. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1981.

аспекте с произведениями бурятской литературы этого же периода: романами и повестями Б. Мунгонова «Хилок наш бурливый» (1959, в переводе В. Сергеева), Ц.-Ж. Жимбиева «Год огненной змеи» (1972, в авторизованном переводе Н. Асмоловой и В. Тендрякова), С. Цырендоржиева «Где ты, моя утренняя звезда?» (1976, в переводе В. Митыпова), а также произведения, написанные на русском языке писателями-билингвами: «Двенадцать моих драгоценностей» (1975) А. Бальбуурова и «Долина бессмертников» (1975) В. Митыпова¹.

Образы родины, передающие единство человека и природы

Понятие родины для жителей двух республик используется в конкретно-локализованном значении и связывается с той землей, на которой они родились и проживают. Для бурят родина — это *тоонто нютаг* 'родной край, родная земля', где человек родился и где зарыт его материнский послед — *тоонто*. Для тувинца также родина — это *төрээн чурт* и *төрээн чер* 'родная земля', «свое» пространство, при этом «своя родная земля осмысливается как место, где обитают родные, близкие» (Майны, 2023: 38). Герой тувинской повести может обратиться к читателю как к земляку: «...поезжай к родному месту, где хранится твоя пуповина, где течет говорливый ручей, где растет сказочный лес...»².

Понятие родины в произведениях тувинских и бурятских писателей вбирает в себя целую систему образов. Так, в образе дома писатели подчеркивают непреходящую ценность для человека родного жилища, будь то юрта, чум или дом.

Данный образ в тувинской прозе решен не только в традиционном ключе, но и содержит общеуниверсальный смысл. Так, роман С. Тока «Слово арата» (1951) первоначально назывался «Гос чадыр» («Берестяной чум») (Монгуш, 2020: 180), потому что родиной для героя было жилище его матери. «Для меня не было ничего дороже, чем моя мать и мой бедный берестяной чум»³. В первой части романа С. Тока «Слово арата» воспроизводится образ материнского дома, живущий в сознании автобиографического героя. И хотя литературоведы берестяной дом могли называть символом бедности, характеризую детство и юность писателя, которые прошли «в условиях патриархально-феодальной Тувы, в нищете и бесправии ... восточных и таежных трудовых тувинцев в дореволюционный период» (Куулар, 2002: 120), именно этот образ бедного дома стал для автобиографического героя олицетворением подлинной ценности в его жизни, потому что за внешней суровой фактографичностью скрываются сыновняя любовь Тывыкы к матери Тас-Баштыг, проникновенное нежное отношение к собаке Черликпен, реке Мерген.

Таким же символом родины для героини романа М. Кенин-Лопсана «Херээженниң чоргааралы» («Тувинка», 1971), покидающей после замужества родной *аал*⁴, стала старенькая бабушкина юрта, и на чужбине память о ней согревает ее в грустных мыслях. Та же тема драматичной судьбы женщины заявлена в повести «Бурятка» Ч. Цыдендамбаева (1963). В русском переводе они вышли соответственно в 1973 и 1978 годах под другими названиями — «Гордость женщины» и «Счастья тебе, Жаргалма!» Обе героини, Кулча и Жаргалма, выйдя замуж, покидают свой дом, но их брак окажется несчастливый, и потому они бегут от мужа к себе домой, на родину. Повествование в произведениях М. Кенин-Лопсана и Ч. Цыдендамбаева одинаково строится как развитие мотива привязанности к родному дому, оберегающему от враждебности иного, чужого мира.

В повести бурятского писателя С. Цырендоржиева «Где ты, моя утренняя звезда?» мальчик Агван, став взрослым, «не раз вспомнит тихий дом, хлопочущих по хозяйству родных женщин, ни с чем не сравнимый запах готовых лепешек и голос, не забытый, не стертый временем, торжественный голос бабушки...»⁵. В повести О. Саган-оола «Родные люди» главный герой Долгай-оол после учебы остается работать и жить в городе. Дом в Кызыле, где он живет и работает, даже вызывает у него гордость. Но по-прежнему для героя родина — это *чайлаг* (летнее пастбище) его родителей:

¹ Мунгонов Б. Хилок наш бурливый / пер. с бурят. В. Сергеева. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1975; Бальбууров А. Двенадцать моих драгоценностей. М.: Советская Россия, 1975; Жимбиев Ц.-Ж. Год огненной змеи. Романы / пер. с бурят. М.: Известия, 1980; Цырендоржиев С. Где ты, моя утренняя звезда? / пер. с бурят. // Встречный огонь: повести. М.: Советская Россия, 1984. С. 46–107; Митыпов В. Долина бессмертников. М.: Современник, 1975.

² Даржай А. А. Сон при звездах. С. 214.

³ Тока С. К. Слово арата: роман-трилогия. С. 35.

⁴ *Аал* — стойбище, стоянка юрт.

⁵ Цырендоржиев С. Где ты, моя утренняя звезда? С. 153.

«Много лет я не был здесь, и, хоть почти все мое детство прошло в этих местах, теперь чайлаг казался мне еще более красивым, чем раньше. Он был похож на сказку, изумрудным ковром стелились здесь сочные травы, луга и долины пестрели яркими цветами... как должен быть счастлив человек, который живет под этим синим небом, под щедрыми лучами золотого солнца, среди высоких трав, гор и лесов! Я смотрел на все это, и сердце мое замирало от нестерпимой, переполняющей меня радости»¹.

В перечислении красочных эпитетов родные места в воспоминаниях героя из детства превращаются в важный ценностный символ.

Образ родной земли открывал писателям возможность выхода из конкретно-исторической, бытовой сферы жизни к художественному освоению сферы бытия и создавал основу для мифотворчества. Рассматриваемый этап в истории двух литератур отмечен интересом к наполнению образов мифопоэтическим содержанием. Как можно заметить, в упомянутых произведениях писатели придают архетипическое содержание образу родного дома, олицетворяющему материнское начало. Недаром в бурятских мифах образ Матери-земли Этуген (монгольское имя богини земли Умай у тюркских и монгольских народов), был олицетворением понятий «родной очаг», «земля предков», поскольку «Этуген символизировала материнское начало — родину, в лоне которой родилось все живое» (Николаева, 2013: 4).

Мысль о мифологичности степи, воды, гор, деревьев, других природных образов заложена в художественном подтексте этнокультурного содержания, например, в тувинских и бурятских произведениях на тему детства, а именно в сознании и восприятии природы ребенком. Образное мышление, присущее детскому сознанию, изоморфно мифологическому началу, согласно которому образы «коллективного бессознательного» оказываются близки ребенку (Имихелова, 2022: 63).

Вместе с тем мотив привязанности к родному дому соединяется с мотивом его утраты, и потому наполнен отчетливым драматизмом, отразившим социальные изменения в жизни этносов. Образ родины как родной земли, аала, где живут бабушка и отец, воспроизведен в автобиографическом романе С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике». Но для главного героя родной аал пуст без матери, воспоминание о ней полно горечи:

«Мама унесла с собой что-то огромное, и заменить это никто не был в силах. Порой я горячо молился всем богам, которых знал, хозяевам всех трех миров, даже Эрлик-хану — хозяину ада — и просил вернуть маму. Но боги оставались глухи к моим молитвам»².

Мотив тоски по утраченному детству, когда была жива мама, сопровождают героя в течение всей жизни, вместе с тем обретая символический смысл сложности жизненного пути.

В бурятском романе В. Митыпова «Долина бессмертников» образ родного дома навеян драматизмом иного времени — наступлением индустриализации и урбанизации, приведших к утрате родового гнезда, к чувству тоски по родному и близкому, по ушедшему детству. В авторе и его герое-художнике «живет общее чувство ностальгии по прошлому, по метафорическому дому, по мифологическому пространству» (Бороноева, 2020: 79). Поэт Олег Аюшеев, мечтая поработать в тишине, едет на родину предков, но на месте родного дома осталось лишь земляное пятно, не заросшее травой. Уже в самой первой фразе романа заданы ключевые понятия родового дома: «голос крови», «отчий дом» «память детства»: «Ехать было совсем не обязательно, и он это прекрасно сознавал, но все-таки поехал. Быть может, это голос крови властно позвал в дорогу, а быть может — память о детстве»³.

Подавленное настроение героя даст творческий импульс во время его посещения археологических раскопок гуннского городища.

В романе «Долина бессмертников» В. Митыпова пространство родного края — это степь. Она является не только системой координат, но также приобретает ценностное значение для людей, живущих в окружении степной природы. В местности, где археологи ведут раскопки гуннского городища, герои романа закономерно размышляют о связи современности и истории хуннов. Вот почему степь в романе В. Митыпова, как пишет С. Батомункуев, «приобрела историко-онтологическое наполнение. Степи как скотоводческому пространству по преимуществу или как первозданной, стихийной природе (мифологической) писатель вернул свойство исторической памяти: абстрактный географический

¹ Саган-оол О. Родные люди: повесть. С. 11.

² Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике. С. 45.

³ Митыпов В. Долина бессмертников. С. 56.

ландшафт стал исторической сценой, на которой когда-то народы завоевывали и отстаивали свое первенство, переживали моменты славы, могущества, поражения и гибели» (Скрынникова и др., 2004: 188). Такое «историко-онтологическое» изображение степи В. Митыпова навеяно синтезом конкретно-исторического и универсально-символического в образе степной травы, что и выразилось в названии романа.

Обращение В. Митыпова, пишущего на русском языке, к исторической теме (именно она легла в основу первых бурятских романов Х. Намсараева и Ж. Тумунова в 1940-е годы) вызвано сюжетным замыслом: поездка на родину героя-писателя стала импульсом для зарождения его произведения — в виде романа в романе. В этом вставном тексте тема родины поставлена остро как конфликт-спор отца и сына о цене утраченных родовых земель. Шаньюй (вождь хуннов) Тумань вынужден покинуть родину предков, чтобы избежать кровопролитной войны и сохранить свой народ. Зато его сын Модэ, став новым вождем, готов на жертвы, убийства и жестокую тиранию, чтобы вернуть исконные земли и сохранить их, защитить от более сильного врага — народа дунху. Он отказывается отдать ему земли своего народа со словами:

«Земля — это не песок пустынь, не солончак степей, не черная грязь на речных берегах... Земля есть основа всей державы, и земля есть основа каждого отдельного человека. Потеряв землю, человек теряет все: могилы предков, что есть одна треть его силы; кочевье, где живет он сам, что есть вторая треть его силы; юрту, где он взрастит свое потомство, что есть остальная треть его силы... Народ, однажды отдавший хоть клочок родной земли и смирившийся с этим, может когда-нибудь отдать ее всю!»¹

Создатель исторического «текста» — современный писатель Олег Аюшеев сочувствует своему герою Модэ, его продуманной и выстраданной позиции, выраженной высоким эмоциональным слогом. Но поставив вопрос о цене родной земли, он увидит в позиции вождя и доблестного воина не только основу для его будущих побед, будущей славы, завоевания новых земель, но и будущую гибель хуннов. И Олег Аюшеев, автор вставного романа, занимает сторону отца Модэ — Туманя, который, в конечном счете, выступает против жертвенного кровопролития, сохраняет жизни своих подданных. И правота на его стороне, считает герой, несмотря на всю его боль и горечь от погранной и утерянной родины. Ведь в настоящем правителе главное — жизнь и счастье своего народа. Роман В. Митыпова по своей идейно-жанровой структуре становится размышлением-диспутом не только о ценности родной земли, но и о смысле истинного патриотизма.

Еще одна особенность объединяет произведения Тувы и Бурятии данного периода — это связь жизни человека с поэтическим отношением к природе. Она обнаруживается в одном из первых тувинских романов «Настигающий птицу» М. Кенин-Лопсана. Герой романа по имени Саадак, любясь своим конем, наделяет его чуть ли не фантастическим обликом:

«Сарала, мой буланый конь! Я крылатым тебя зову. Ты таежную рысь догонишь тайной тропкой, в зверином рву. Разжирили глупые птицы, где им взвиться под небеса? Пусть на них мой конь устремится, пусть он птицею станет сам!»²

Во взаимоотношениях хозяина-всадника и его коня особенно хорошо заметна тесная связь природы и человека:

«...сегодня здесь все не так: кони, будто бы на крылах, мчатся степью Бора-Булак. Широка ты, степь, хороша, как свободных аратов душа. Красной нитью дороги степной, как натянутой тонкой струной, перерезана степь пополам»³.

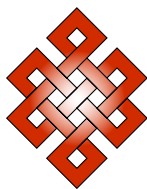
И здесь автор передал единство человека и животного как ценность в фольклорном сознании человека степи.

Первоначально роман М. Кенин-Лопсана «Настигающий птицу», охватывающий целое десятилетие — 1940-е годы, был посвящен патриотическому подъему аратов в годы Великой Отечественной войны и назывался «Чүгүрүк Сарала» («Стремнина большой реки»). А в 1987 г. роман выйдет в переводе С. Козловой под окончательным названием «Настигающий птицу». Особенность повествовательной структуры романа — это чередование повествовательных глав с лирическими монологами. В финале дано субъективное восхищение повествователя священным обликом коня, принадлежащего герою — охотнику Саадаку. Он дарит коня Красной Армии:

¹ Там же. С. 244–245.

² Кенин-Лопсан М.Б. Настигающий птицу: Лиро-эпический роман. С. 9.

³ Там же. С. 195.

«Это прославленный охотник Саадак выводит перед комиссией скакуна своего — того самого, на лету настигающего птицу! Длинный хвост коня тщательно заплетен, да еще и кончик его подвернут узелком — ни дать ни взять женская прическа. Дымная грива ровно подстрижена, а в “святой” гриве, что перед седлом, — алая ленточка: не знак ли красной помощи? Прощается Саадак со своим Саралой, сжимается его сердце...»¹.

Восторг повествователя объясняется освященным статусом *ыдык* коня, получившего ритуальную ленточку на гриву (Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023: 235).

Авторы бурятских и тувинских романов передают сакральный характер родной местности, ее природным объектам по мере отражения в них культа гор, рек, деревьев и связанных с ними обрядов. Так, в мифологии тувинцев олицетворение земли и воды иногда выступало в значении родины, а культ воды отражается в обрядах и ритуалах освящения рек, родников и аржанов. «Все сферы мифологического и реального бытия были неразрывно связаны с водной стихией, что нашло отражение в мифо-ритуальной практике тувинцев» (Конгу, Базырчап, 2020: 152).

В романе М. Кенин-Лопсана «Настигающий птицу» также запечатлено понимание святости (*ыдык*) родной реки в сознании героя. Он и обращается к ней как сакральной, великой сущности, происхождение которой уходит в далекие времена:

«Куда ты стремишься, Великая наша река? Куда ты спешишь сквозь хребты? Войти в океанскую силу торопишься ты? Но нет — океан вдалеке и широк, и хорош, но к цели иной ты — признайся! — так гордо течешь: ты светлую струйку любви нашей верной несешь, и цели прекрасней на свете не сыщется все ж! В скалистых, упрямых горах ты, река, рождена, ты видела древних, кто в скалы врубал письмена, твой рокот, быть может, в себе сохранил их слова...»²

Другой роман М. Кенин-Лопсана «Танец козерога» передает историю дружбы начинающего скульптора Дулгур-оола со своим учителем — талантливым камнерезчиком Монгушем Черзи. В его образе недвусмысленно отражены черты реальной личности народного художника Тувы (герой даже носит имя своего прототипа), в чьих творениях подчеркнута его тесная связь с родной природой. Даже в изваянии-скульптуре дракона из камня альмаготолита повествователь подчеркнул связь диковинного существа с реалиями родного края:

«Оскаленный, разгневанный дракон! Из камня светлого искусно сделан он... Безжалостен и зол зубов его оскал, безжалостен и мудр взор круглых хищных глаз. И челка надо лбом стоит грядюю скал, и холка — что в тайге вершина поднялась... На всхолмленной спине, укрыв ее слегка, лежат свободно, отдыхая, облака, и длинный тонкий хвост, дотронувшись до них, как будто в ярости рванулся — и затих»³.

Ученик мастера Дулгур-оол создаст скульптуру, изображающую чудо-танец козерогов на Священной скале в местности Телиг Хая (Скале козерога). При взгляде на его скульптуру зрителям кажется, что

«...из тысячелетней мглы идут сюда козероги, спускаются со скалы. Поступь легка, движения грациозны, чаруют сердце и глаз. Не вздумайте крикнуть возле — разбегутся тотчас»⁴.

Творение, запечатлевшее животных на священной горе, вызовет гордость старого скульптора-наставника за своего ученика. Ведь в самом замысле картины выразилась любовь и привязанность автора к родине, ее святыням.

Одна из героинь романа М. Кенин-Лопсана «Танец козерога» также передает свое поэтическое восприятие родной реки как святости и драгоценности:

«После дождя над водою родной реки радуги тянутся в небо — как две руки. Нет, это небо колечко дарит реке, чтобы горело оно на ее руке. Нет у меня ни матери, ни отца, чтоб подарить мне серебряный блеск кольца. Что же — взамен драгоценного перстенька, в кольца свиваясь, блестит родная река, небо горит в ней, как в перстеньке — бирюза, цвет его синий ласкает мои глаза»⁵.

О подлинных ценностях жизни свидетельствуют высказывания героев тувинских романов, объединенные ощущением вечной красоты их родины, в каких бы проявлениях, материальных, бытовых или духовных, иррациональных она ни была замечена.

¹ Там же. С. 203.

² Кенин-Лопсан М. Настигающий птицу. С. 265.

³ Кенин-Лопсан М.Б. Танец козерога. С. 119.

⁴ Там же. С. 184.

⁵ Кенин-Лопсан М. Танец козерога: роман. С. 91.

Бурятский роман Б. Мунгонова «Хилок наш бурливый» («Харьялан урдаа Хёлгомной»¹) мог стать образцом жанра так называемого колхозного производственного романа, если бы не образ родной реки, организующий своеобразный гимн автора своей родине. В своих повседневных заботах, труде герои романа не представляют жизни без своей шумной студеной реки. Она для них — центр микрокосма родины, связывающий судьбы всех, кто жил на ее берегах. Роман приобретает философско-символический смысл в финале, завершающем судьбы героев. На языке оригинала² в образе реки, вышедшей из берегов в момент весеннего таяния, нет какой-либо облегченности в отличие от перевода, выполненного В. Сергеевым, где восприятие реки главной героиней Дулмой пропитано отчетливым оптимизмом.

В романе на языке оригинала образ реки включен в описание произошедших событий, наполненных не только радостью преобразования родного колхоза, но и грустью, горечью героев от несбывшихся надежд:

«Река Хилок течет мощно и бурно, скручиваясь с грозной силой. Огромные глыбы льда, сталкиваясь, раскалываются, река шумит и бушует. Мутные волны, закованные в зимние панцири — синие льды, спешно толкают их вперед. Дулма, видя, как огромные льды при столкновении бьются в течении реки, подумала о жизни, о том, как (ей) придется преодолевать такие же преграды судьбы»³ (досл. пер. наш. — *Авт.*).

И хотя с виду скромным выглядит это описание тронувшейся от зимней спячки весенней реки, но его смысл, как может показаться читателю, готовит героиню к будущему, которое не сулит непременно счастья и не содержит безоглядной веры в лучшее. К тому же мистический характер волн и льдин подчеркнуто передает образный смысл финала: не льдины, не сильные волны напоминают Дулме о пережитых препятствиях в жизни, а глыбы льда, служащие олицетворением священной реки-судьбы. Слова-эпитеты в описании реки символически и психологически подчеркивают грозную силу будущих преград, не зависящих от самого человека, мощных и бурных, где особенно выделяется мрачный эпитет-характеристика освободившихся волн, «закованных в панцири льдов». Если в переводе на русский язык переводчик облегчил суровость реки в финале-эпilogе, не придав большого значения состоянию души героини, то в оригинале природный катаклизм пугает, его мифологическое наполнение напоминает читателю, что трудно человеку быстро оправиться от недавних ударов судьбы.

Таким образом, чертой, объединяющей прозу тувинских и бурятских писателей, является неразрывное единство человека со своей родиной, родными местами. Это единение ярко выражено в образах дома, степи, коня — спутника и друга кочевника, родной реки, в мифологичности и сакральности которых подчеркнуто живущее в сознании человека чувство священного трепета перед родной природой. В выделенных образах проявляется единство конкретно-социального и универсально-обобщенного, сближение быта с бытием, прозы с поэзией. Неразрывная связь с родиной позволяет героям тувинской и бурятской прозы открыть поэзию в своем внутреннем мире, а их авторам присуща способность проникнуть в глубинный, необыденно-бытийный план природной жизни.

Тема родины в автобиографической прозе

Восприятие образа своей родины живет в душе каждого человека с детства. Чрезвычайно пространственным жанром в тувинской прозе 1960–1970-х годов, воспевающей родной край, является автобиографический роман.

Ярким примером такой прозы в тувинской литературе стали романы «Слово арата» С. Тока, «Повесть о светлом мальчике» С. Сарыг-оола, «Родные люди» О. Саган-оола. Справедливо замечание С. С. Комбу о роли автобиографизма в освоении тувинскими писателями романного жанра, когда жизненный опыт автора помогает «преодолеть традиционные схемы изображения человека в литературе, собственный жизненный опыт и наличие документальной основы представляются своего рода залогом правдивости отображаемого материала»⁴. К названным романам можно добавить и повесть «Сон при звездах» А. Даржая, в которой повествование опирается на субъективность героя-

¹ Мунгонов Б. Харьялан урдаа Хёлгомной. Улаан-Удэ: Буряад. ном. хэб., 1960. 471 н.

² Мунгонов Б. М. Хилок наш бурливый. С. 312.

³ Мунгонов Б. Харьялан урдаа Хёлгомной. Н. 470.

⁴ Комбу С. С. Роман в тувинской литературе: иллюстрация основных закономерностей развития действительности // Всероссийский журнал научных публикаций. 2012. № 4(14). С. 65.

рассказчика и строится как процесс воспоминания взрослого героя о своем детстве. Двухвременная композиция, где автобиографический герой существует одновременно в настоящем и прошлом, не просто воспроизводит впечатление автобиографического повествования от первого лица, но обозначается как форма повествования от лица самого автора.

Особенность бурятских автобиографических повестей и романов этого периода иная и заключается в том, что автобиографизм в них был художественным приемом, представляющим собой «эхо жанра автобиографии» (Медарич, 1998: 5). Выводя героя, наделенного чертами биографического автора, бурятские писатели создавали лишь иллюзию автобиографичности. Это были произведения о детстве, которые не просто представляют собой иллюстрацию биографических реалий в жизни писателя, но и отражают специфику самобытного и ментального в личности героя-ребенка. В этом приеме отразилась лирико-субъективная, исповедально-автобиографическая тенденция 1960–1980-х годов в русской прозе (Большев, 2002) и в литературах российских национальных республик.

Внутреннее родство с такой прозой можно увидеть в бурятской повести С. Цырендоржиева «Где ты, моя утренняя звезда?». Тем более, что герой-подросток в ней, как и в повести А. Даржая «Сон при звездах», постоянно находится рядом с животными. Это отцовский конь Каурый, который из-за ран от нападения волка ушел от героя-мальчика «навсегда»; это пес Янгар и ягнята, которых тоже забрали у него. Мальчик Агван сталкивается со смертью и взрослеет. Повесть заканчивается мучающим его вопросом, в котором пробуждается очень личностное, почти иррациональное чувство вины: «Почему он не может никого спасти и сберечь?»¹

В повести «Сон при звездах» А. Даржая, как уже указывалось, воспроизводятся фрагменты жизни автобиографического героя в духе лирического повествования, соединяющего прозу и поэзию. Для произведения присущ особый тип построения, основанный на ослаблении и даже редукции сюжета. Само деление глав-эпизодов превращает повесть в цикл новелл, объединенных сознанием героя-рассказчика. В форме свободной исповеди он обращается к читателю и призывает его услышать голоса из детства:

«...поезжай к родному месту <...> Всею душой прикоснись к милым сердцу лесу, ручейку, где вырос, плескаясь, плавая и утоляя жажду в знойные дни, прильни к ручейку, где вырос, плескаясь, плавая и утоляя жажду в знойные дни, прильни к ручейку, который потому и стал для вас самым могучим, чем все большие реки и озера в мире. Осознавая таким образом святость этих мест, ты услышишь журчание воды чистого ручейка, шелест листьев, все снова и снова будет тебя возвращать в любимые места, и заставит листать в извилинах своего подсознания страницы детства и юности»².

Новые отношения с читателем-единомышленником проявляются и в главах, где образ родины живет в воспоминаниях взрослого героя о маме, друге Шойдаке и его дедушке Шогжале. И конечно, автобиографический герой видит себя самого, деревенского мальчишку, в событиях, врезавшихся в его память, оставивших глубокий след на всей последующей жизни. Его воспоминания освещены светом сверкающих звезд, на которые он, уже став взрослым, смотрит, стоя на балконе своего дома. Герой убежден:

«Моя звезда засверкала над бескрайними степями моей родной земли, и она будет сверкать даже после моего ухода в вечность. Я считаю себя очень счастливым человеком, потому что моя тропиночка началась, а затем превратилась в большую дорогу с берегов чистой и говорливой речки Сай-Суу. Здесь загорелась моя звезда, когда моя мама впервые вынесла меня на руках из родной юрты и омыла мое лицо теплой водой речки Сай-Суу»³.

Свет звезд и чистота реки — это показатель высшего предназначения человека, которое чувствует автобиографический герой и в детстве, и в зрелом возрасте. Повторяющаяся фраза «Теперь я понял» соединяет прошлое и настоящее в жизни героя. Запомнились ему на всю жизнь зеленый цвет Великого Луга — Улуг-Шык, священный Хам-Дыт (Шаман-дерево) и даже Экерек — любимый петух деда Шогжала, чья неожиданная смерть лежит на совести героя и его друга. «Я понял, что на судьбы каждого из нас может влиять даже маленькое животное, к которому человек привязывался всем сердцем»⁴.

¹Цырендоржиев С. Где ты, моя утренняя звезда? С. 190.

²Даржая А. Сон при звездах. С. 214.

³Там же. С. 211.

⁴Там же. С. 240.

Опора на поэтическое мышление и особое словоупотребление, родственное поэзии, выступает в повести как важный структурный принцип. Особый поэтический язык возникает под влиянием стихотворной речи на прозу, и речь идет о таком жанро-родовом синтезе, который в русской прозе XX века получил название «лирической эпопеи» или субъективного эпоса (Скороспелова, 2003: 77, 158). В прозе такого типа поэтическое словоупотребление оттесняет эпическую событийность на второй план, придает изображаемому обобщенный характер, несмотря на фрагментарность композиции, членение повествования на новеллы, включение в прозу стихотворных фрагментов.

Такое повествование проявится и в целом ряде произведений бурятских писателей, по своему автобиографизму напоминающие, например, романы «Время таяния снегов» Ю. Рытхэу (1958), «Синий ветер каслания» Ю. Шесталова (1964), где решение темы родины опирается на особенности чукотской и мансийской культур. Близость с этими романами заключена в форме воспоминания как своеобразной исповеди самого автора о времени детства и юности, о формировании своей писательской личности.

С помощником степняка-кочевника — конем ежедневно соприкасается герой-подросток в бурятском романе Ц.-Ж. Жимбиева «Год огненной змеи». Батожаб работает пастухом-табунщиком, и его взрослению, превращению в юношу придают особый смысл четвероногие друзья. В основу романного повествования положены автобиографические воспоминания писателя о своем военном детстве, о тяготах жизни в родной деревне, о недоедании, страхе за отца, сражающегося на фронте, беспокойстве о матери, живущей в нетерпеливом ожидании вестей от любимого мужа. В главах, действие которых происходит поочередно — днем и ночью, поступки и мысли Батожаба продиктованы работой ночного конюха в колхозном табуне.

Писатель тонко показывает в душевном состоянии героя единство с окружающим миром, подмечает любые изменения в жизни коня, других четвероногих друзей. Особенно ярко связь с лошадьми проявляется в нем ночью. Сидя на лошади под звездным небом, подросток, сын и друг воюющих на фронте близких людей, очень остро ощущает свое настроение. Звезды на небосклоне загораются и гаснут, напоминают об услышанном предании: звезда падает, если гибнет человек. Подростка не радует звездный дождь: «Сколько еще сорвется звезд, небо поредет, станет черным». В сознании только начинающего жить Батожаба оживают улигерные баторы¹ вместе со своими спутниками-конями. А рядом спускаются по радуге небесные красавицы. События на фронте переживаются героем с помощью богатого воображения:

«Может быть, сегодня в горах Трех Кобылиц встретились: наш Бабжа-батор, якутский батор Нюрган, киргизский Манас. Сидят, решают, как лучше поставить богатырский заслон на западе»².

Именно ночью сознание героя не только постигает тайны природы, но приобщается к истории своей родины, находясь в непосредственном союзе с ней, с героическим прошлым народа, пусть и в фольклорно-мифологическом ключе.

Бытовая жизнь героя в дневное время также решена в форме повествования от первого лица, передающего сознание 15-летнего героя, испытывающего искреннюю любовь к родному краю, хозяйскую заботу о лошадях, с готовностью принимающего любые проявления родной природы:

«Обрушивается гром, одевается траурным мраком степь. Земля начинает суетливо и озабоченно говорить под ногами лошади... Дождь нарастает, земля отвечает небу глухим ропотом... В темноте мы с Гнедым совсем не разбираем дороги, я тороплю его. В грозу хозяин табуна должен быть рядом с конями. Они могут взбунтоваться. Рвется ночь от молний, гром раскалывает и небо, и землю. Хозяин неба — Эсегэ малаан Тэнгэри, освети мне путь своей молнией, мне надо спешить. Меня ждут кони!..»³

В авторизованном переводе Н. Асмоловой и В. Тендрякова переданы очарование бурятской природы, поэтичность восприятия героем-мальчиком природного мира, наполненного его чувством, мифологически окрашенным.

Оригинальная модификация жанра автобиографического произведения представлена в книге А. Бальбурова «Двенадцать моих драгоценностей», в которой образ родины передан в духе пу-

¹ В бурятских улигерах (эпических сказаниях) популярное у монгольских народов имя Баатар (Батор) стало нарицательным словом в значении 'богатырь, герой'.

² Жимбиев Ц.-Ж. Год огненной змеи. Романы / пер. с бурят. С. 124.

³ Там же. С. 98.

блицистического и одновременно поэтического монолога героя, поющего гимн родной Бурятии в манере простого и доверительного общения с читателем. Лирический сюжет ставит в центр фигуру героя-рассказчика, который движется от описания самобытной реальности, в которой происходит становление автобиографического героя, до момента проявления в нем личности с богатым культурным, историко-социальным опытом. Авторский монолог героя включает воспоминания о своей жизни — трудном и голодном детстве в маленьком улусе, годах учебы и начале трудовой жизни рабочего паренька, приходе в журналистику и литературу. И это судьба человека, любящего свою родину, размышляющего, чем она для него является.

Лирическое, субъективное начало в книге «Двенадцать моих драгоценностей» не уменьшает, а подтверждает эпический размах темы родины в ее пространственно-временном измерении, потому что драгоценностями жизни для автора являются природные ритмы и социальные циклы жизни родной Бурятии. Из названий двенадцати месяцев старинного бурятского календаря составилось «невидимое ожерелье из двенадцати кусочков жизни моего народа, фантастически богатой и сверкающей алмазными гранями жизни»¹. Поэтичностью наполнены названия месяцев, в которых этнокультурный опыт, народная практическая мудрость в отношении к природе, содержат общечеловеческий смысл. Так, апрель — Месяц Малого Журчания для героя-автора «не просто название месяца, оно пригодно не только для поэтов своим необычным поэтическим звучанием»², но и позволяет ответить на вопрос, каким образом бурятам-земледельцам удавалось постигать природный календарь, преодолевать превратности, капризы сурового климата, «его трагические повороты то к засухе, то к катастрофическим ливням»³. Образы земли и воды возникают в разговоре о знатном луговode, чьи заботы передают древний архетипический смысл занятий предков по обеспечению обильной влаги, хорошего травостоя и урожая с целью достижения благополучия в жизни людей.

Система ценностей (драгоценностей) в книге А. Бальбурова живет в сознании автобиографического героя так же, как в герое тувинской повести А. Даржая «Сон при звездах». Отношение героя-рассказчика к изображаемому проявляется в том, что сегодняшний день соотнесен не просто с прошлым, с работой памяти, воображения, но с вневременными явлениями: звездами, солнцем, луной, т. е. с космическим планом. И повествование приобретает свойства развернутого лирического монолога героя, захваченного движущимся потоком времени, когда случайные вроде бы события становятся глубоко закономерными этапами человеческой судьбы. Лиризация и метафоризация повествовательной структуры такая же, как в тувинской автобиографической прозе, и позволяет увидеть бытовые, обыденные происшествя в контексте универсальных законов бытия, сочетание ежеминутности и вечности, жизни и смерти, природы и культуры, истории этноса и судеб цивилизации.

Однако Бальбуров добавляет в эти контрастные состояния глубоко индивидуальную окраску, заключающуюся в философском понимании другой антиномии — добра и зла, ее проявления в жизни своего народа. Дело в том, что в книге «Двенадцать моих драгоценностей» повествовательная структура напоминает стилистику бурятских сказаний (улигеров), которая проявляется в исполнении сказителей-улигершинов: бережно сохраняя поэтический рассказ об эпических событиях прошлого, они «в той или мной мере оставили свою печать на “лице” улигеров»⁴. Таков облик героя-рассказчика в книге А. Бальбурова, автобиографическая форма которой содержит напоминание о традиционном культурном опыте, таков неповторимый облик повествовательной стратегии, которая придает произведению оригинальное звучание.

При сравнении повести А. Даржая и автобиографической книги А. Бальбурова можно проследить, как жанровая модификация лирико-субъективного эпоса на тему любви к родине служит соединению судьбы автобиографического героя с внеличными (социально-историческими и природно-космическими) событиями, изображению конкретно-исторической реальности — с бытийным, философским обобщением.

¹ Бальбуров А. А. Двенадцать моих драгоценностей. С. 65.

² Там же. С. 49.

³ Там же.

⁴ Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн» / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. С. 13.

Заключение

Таким образом, сравнительно-сопоставительный подход к произведениям большой эпической формы — роману и повести — выявил единство писательских поисков бурятских и тувинских писателей 1960–1970-х годов в художественном изображении этнокультурных составляющих родного края. Этнокультурная специфика и мифопоэтическое содержание в образах дома детства, степи, коня, реки позволяют выразить универсально-всеобщие ценности, такие как любовь к своей родине, связь человека с природой.

Различие художественных поисков писателей двух республик отчетливо выявляется в автобиографической прозе. Причастность человека к образам родного края в тувинской прозе проявилась в таких ее специфических особенностях, как слияние прозы и поэзии в повествовании, в движении к орнаментальной поэтике, характерных для повести А. Даржая «Свет при звездах», романов М. Кенин-Лопсана. В решении темы родины бурятскими прозаиками также можно обнаружить дальнейшее развитие романного жанра. Роман В. Митьпова «Долина бессмертников» позволяет судить о развитии такого композиционного построения, усложненного структурой текста в тексте. Поиски в сфере художественно-символической образности, в оригинальности повествовательного и жанрового выражения видится особая роль созданного в автобиографических произведениях лирического эпоса о любви к родине.

Как можно убедиться, художественное своеобразие творчества писателей Тувы и Бурятии проявилось в анализе их произведений на тему родины. В них всякий раз заново открываются читателям образы родины, а этнокультурные реалии неизменно выявляют точки соприкосновения двух литератур. Тувинские и бурятские произведения на тему родины позволили выявить в авторе и герое этнокультурный эстетический опыт, способность поднять тему родины до высоты универсального культурного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большев, А. О. (2002) Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века. СПб. : Филологический факультет СПбГУ. 170 с.
- Бороноева, Т. А. (2020) Образ-концепт *дом* в бурятском искусстве как культурная константа // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 51. С. 75–84.
- Дампилова, Л. С. (2016) Духовно-культурные коды в поэзии монгольских народов. Иркутск : Оттиск. 244 с.
- Имихелова, С. С. (2022) Мистериальный сюжет как неомифологическая тенденция в бурятской литературе на историческую тему // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. Вып. 1. С. 62–69.
- Имихелова, С. С., Монгуш, Е. Д. (2020) Образ-архетип старика в бурятской литературе // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. № 13 (12). С. 1997–2011.
- Калзан, А. К. (2021) Научная опора творчества: Избранные статьи / сост. У. А. Донгак. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 256 с.
- Конгу, А. А., Базырчап, А.-Х. О. (2020) Культ воды у тувинцев // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. № 2. С. 137–153.
- Кужугет, Ш. Ю. (2023) Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 64–79. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвальность и транскультурные практики. Т. 18. № 4. С. 405–420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>
- Куулар, Д. С. (2002) История и современность: Сборник трудов по фольклору и литературе. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 142 с.
- Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>
- Майны, Ш. Б. (2023) Представления о *чер* 'земле' современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 38–63. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>
- Медарич, М. (1998) Автобиография/автобиографизм // Автоинтерпретация: сб. науч. ст. / под ред. А. Б. Муратовой и Л. А. Иезуитовой. СПб. : Изд-во СПбГУ. 206 с. С. 5–32.
- Монгуш, Е. Д. (2020) Литературное наследие С. К. Тока в фондах Национального архива Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 175–186. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.12>

Найдаков, В. Ц. (1969) Современные писатели Бурятии (Литературные портреты и очерки). Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 183 с.

Николаева, Д. А. (2013) Женские божества земли и их роль в формировании традиционной обрядности бурят конца XIX — начала XX в. // *Женщина в российском обществе*. № 1 (66). С. 3–13.

Самдан, З. Б. (2001) Лики тувинской словесности. За фольклорным жемчугом. Кызыл : Республиканская типография. 115 с.

Санчай, Ч. Х. (2023) Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 80–109. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Сувандии, Н. Д. (2023) *Чер* 'земля' в паремиях тувинцев // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Скороспелова, Е. Б. (2003) Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М. : ТЕИС. 358 с.

Скрынникова, Т. Д., Батомункуев, С. Д., Варнавский, П. К. (2004) Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 216 с.

Соктоев, А. Б. (1976) Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 491 с.

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Дата поступления: 27.07.2023 г.

Дата принятия: 26.12.2023 г.

REFERENCES

Bol'shev, A. O. (2002) *Confessional-autobiographical beginning in Russian prose of the second half of the twentieth century*. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University. 170 p. (In Russ.).

Boronoeva, T. A. (2020) The image-concept of a house in Buryat art as a cultural constant. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 51, pp. 75–84. (In Russ.).

Dampilova, L. S. (2016) *Spiritual and cultural codes in the poetry of the Mongolian peoples*. Irkutsk, Ottisk. 244 p. (In Russ.).

Imikhelova, S. S. (2022) Mystery plot as a neo-mythological trend in Buryat literature on a historical theme. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, issue 1, pp. 62–69. (In Russ.).

Imikhelova, S. S. and Mongush, E. D. (2020) The archetype image of an old man in Buryat literature. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 13 (12), pp. 1997–2011. (In Russ.).

Kalzan, A. K. (2021) *Scientific support of creativity: Selected articles* / comp. by U. A. Dongak. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 256 p. (In Russ.).

Kongu, A. A. and Bazyrchap, A.-Kh. O. (2020) Tuvans' cult of water. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, issue 8: History, no. 2, pp. 137–153. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu. (2023) Tuvans' attitude towards the earth in the Tuvan literature of the 20th–21st centuries. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D. and Lamazhaa, Ch. K. (2021) The Problems Of Translating Cultural Concepts into Another Language: On The Example Of Tuvan Cultural Concepts. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Kuular, D. S. (2002) *History and modernity*. Kyzyl, Tuvan book publ. 144 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) The Sacred in Tuvan Culture: Past and Modernity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Mainy, Sh. B. (2023) Perceptions of *cher* ('earth') among contemporary Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 38–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>

Medarich, M. (1998) Autobiography/autobiographicism. In: *Avtointerpretatsiia [Auto-interpretation]: collection of scientific articles* / ed. by A. B. Muratova and L. A. Iezuitova. St. Petersburg, SPbGU Publ. 206 p. Pp. 5–32. (In Russ.).

Mongush, E. D. (2020) S. K. Toka's literary heritage in the collections of the National Archives of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 175–186. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.12>

Naidakov, V. Ts. (1969) *Modern writers of Buryatia (Literary portraits and essays)*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 183 p. (In Russ.).

Nikolaeva, D. A. (2013) Female deities of the earth and their role in the formation of traditional rituals of the Buryats at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1 (66), pp. 3–13. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2001) *Faces of Tuvan literature. Behind folklore pearls*. Kyzyl, Respublikanskaia tipografiia. 115 p. (In Russ.).

Sanchay, Ch. Kh. (2023) Images of the native land in the musical and song culture of the Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 80–109. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Suvandii, N. D. (2023) *Cher 'earth' in Tuvan paroemias*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Skorospelova, E. B. (2003) *Russian prose of the twentieth century: from A. Belyi ("Petersburg") to B. Pasternak ("Doctor Zhivago")*. Moscow, TEIS. 358 p. (In Russ.).

Skrynnikova, T. D., Batomunkuev, S. D. and Varnavskii, P. K. (2004) *Buryat ethnicity in the context of sociocultural modernization (Soviet period)*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 216 p. (In Russ.).

Soktoev, A. B. (1976) *The formation of fiction in Buryatia in the pre-October period*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 491 p. (In Russ.).

Tuvans. Native people (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).

Submission date: 27.07.2023.

Accepted date: 26.12.2023.